



Книги Валерии Веденеевой
в серии

**ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК**

Цикл
«ТЕМНЫЙ МАГ»

ДАР ДЕМОНА

(в соавторстве
с Рианной Авалонской)

**МАГ И ЕГО ТЕНЬ
ЛЮДИ И ЧУДОВИЩА**



ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Долгая дорога — это время, много времени. Время, которое за неимением лучших дел приходится тратить на размышления.

Истен думал. Думал, хотя мысли были полны болю. И гневом. И чаще всего завистью. Наверное, у каждого человека есть страсть, которая ведет его через жизнь, позволяет добиться успеха или вынуждает сгинуть в безвестности. Честолюбие. Ярость. Любовь. Долг. Вера.

У Истена такой страстью была зависть. Всегда, с раннего детства, он хотел то, что было у других, что нельзя было выпросить или забрать силой. Высокий рост, как у брата. Умение вызывать обожание слуг, каким обладала младшая сестра. Способность управлять стихиями, как у учителя... Как бы ни был завиден его собственный жребий в глазах других людей, Истену всегда было мало.

Его пытались излечить. Ему внушали, что зависть ведет к саморазрушению, да он и сам начал понимать это. Но зависть не желала уходить.

Впрочем, пока был жив отец, справляться было легче. Истен мог сказать себе: я все равно лучше. У меня есть то, чего никогда не будет ни у кого из них. Но со смертью отца все сломалось. Судьба, как взбесившаяся лошадь, встала на дыбы и сбросила его в грязь, на самое дно.

На дне жилось плохо и трудно, но человек привыкает ко всему. Стиснув зубы, Истен пытался забыть о прошлом и стать никем. Брат сумел — как-то легко. Брат общался с другими «никем», смеялся их простоватым шуткам, пил с ними дешевое пойло, которое здесь называлось пивом, жил их жизнью. Истен... он тоже старался. Потому что понимал: прежнего не вернуть. Потому что хотел жить — даже так, на самом дне, в грязи. Пришло даже что-то вроде облегчения — завидовать здесь оказалось некому.

Пока не появился Тибор, пират Кашимы.

«Прирожденный мечник! Один победил четверых вооруженных опытных воинов, влегкую. И даже не убил никого». У наемника, рассказавшего это, светились восхищением глаза, и Истен ощутил, как змея зависти проснулась. Потому что, несмотря на лучших учителей, он не мог — четверых влегкую. Да даже и одного — влегкую. Всегда было трудно. если только ему не поддавались. Прежде Истен ненавидел, когда ему поддавались. Теперь поддаваться никому бы не пришло в голову, и Истен понял, что бывает, когда врагом выбираешь человека себе не по зубам.

Когда Тибор держал его голову под водой, потом позволял ему, уже наглотавшемуся воды, ненадолго вдохнуть воздух, монотонно перечислял все его, Истена, прегрешения и совал в воду снова — это было худшим унижением, которое Истену когда-либо довелось пережить. Даже сейчас, несколько недель спустя, одно воспоминание о том позоре заставляло скулы каменеть, а кулаки сжиматься. Как же он ненавидел Тибора тогда, как мечтал отомстить, как находил единственное утешение в том, что перебирал все известные ему виды казней, представляя ненавистного пирата в руках палача!

А потом было второе унижение, несравненно хуже первого, когда в сражении с ящерами Тибор его спас. Долг жизни тому, кого ненавидишь до зубовного скрежета и кому завидуешь больше, чем прежде представлял возможным...

Истен наблюдал, как Тибор взял власть над караваном. Так же легко, как до того сражался. И все эти бесовы наемники заглядывали пирату в рот и были готовы выполнить любой его приказ. И даже если возражали, то только потому, что Тибор позволял возражать. Пожелай он, они все пошли бы за ним к храму Триады.

Как же это злило! Как же Истен хотел, чтобы это к *его* словам прислушивались так, *его* приказы выполняли с такой готовностью!

Зависть обвила сердце Истена и все капала и капала на него яdom, разъедая.

Потом был спор с братом. Пратас убеждал, что, пока их не нашли, надо успеть покинуть территорию империи. Что архипелаг Кашими — лучший вариант из возможных. Что оттуда они легко доберутся хоть до королевства Альдемар, хоть до княжества Оррин, хоть до...

Какой бес заставил Истена согласиться? И в первый же день путешествия — рассказ Тибора о том, как он убил Аrona Toniglia и унаследовал его Дар.

Тогда Истену почудилось, что он понял. Понял, кто такой Тибор на самом деле. Его высмеяли. А Венд — человек прямой и правдивый — рассказал, что Тибор никак не мог быть Ароном Тонгилом. Рассказал, почему не мог. Истен поверил. И его вспышка озарения показалась приступом глупости. Ну в самом деле, проклятый Темный никогда не слыл непобедимым мечником. Он слыл непобедимым магом и только. И зачем Венду было выгораживать Тибора, зачем всех обманывать?

Да, Истен поверил, но тень сомнения осталась и, сплетенная с завистью, заставляла его следить за каждым словом, за каждым жестом Тибора, заставляла слышать двойной смысл в его словах.

«Прекрати, — говорил брат. — Он же все видит. Хочешь по-настоящему его разозлить?» Истен лишь криво улыбался. Нет, разозлить он не хотел. Хотел понять. Изучал. Запоминал. Анализировал. Но так и не смог прийти ни к какому выводу.

Потом Тибор отправился к храму Триады — и вот вернулся. Даже раньше, чем обещал, к полудню четвертого дня. Въехал в лагерь, соскочил с коня, окинул всех и всё привычным хозяйственным взглядом, который тоже злил Истена, и сказал привычное приветствие. Все спокойно, будто и не ездили туда, где мог погибнуть. Вернее, казалось, что спокойно, пока Истен случайно не встретился с Тибором взглядом. Как бы хороша ни была маска невозмутимости пирата, но глаза выдали — нет, все не так, как всегда. Глаза у Тибора были шальные.

— У меня для вас новость, парни, — сказал он, жестом подозвав всех. Подождал, пока они рассеются вокруг догорающего костра. Улыбнулся — и улыбка тоже отличалась от прежней.

Игла нехорошего предчувствия кольнула Истена. «Зря, — мелькнула уже не раз приходящая мысль, сейчас окрашенная новыми красками. — Зря я согласился с братом. Зря мы поехали с Тибором. Зря это. Зря...»

Истен попытался поймать взгляд Пратаса и передать: что-то неладно. Пратас не заметил.

— Ну что, избавился от своей проблемы? — во весь рот улыбнулся Кирк, и пират блеснул ответной усмешкой.

— Избавился.

Что-то толкнуло Истена посмотреть на Рикарда. Темный сидел напряженный, как тетива лука, спина прямая, на лице тень предвкушения и тень страха. «Он знает, — пришла догадка. — Он знает, что именно Тибор собирается сказать нам».

— Насчет службы в Кашиме, парни. Вы ведь поняли, что там я не рядовой рубака?

Наёмники заухмылялись, переглядываясь. Истен знал, что во время отсутствия Тибора несколько парней побились об за-клад, кто пират на самом деле.

— У меня дюжина кораблей во флотилии Кашимы, — обычным тоном, будто сообщая о том, что сегодня на завтрак, сказал Тибор.

Кто-то охнул.

Кто-то рассмеялся.

Кто-то воскликнул: «Я же говорил!»

Истен вздрогнул.

Дюжина...

— ...так что будьте уверены, мест для вас, — продолжал говорить Тибор, пока Истен пытался воскресить одно давнее воспоминание. Да, точно, он слышал именно так...

...проклятый Светлыми богами Кашима заключил союз с Темными магами, мы не смеем...

Да, созданные ими амулеты негасимого огня...

Нет, на наш флот они не нападали — пока не нападали, но...

Да, Тонгил. Да, часть кораблей во флотилии Кашимы теперь принадлежит этому Темному...

Дюжина. Ровно дюжина...

Да, кораблями взял только Тонгил, остальные маги за помошь получили...

Истен вскинул голову, впиваясь взглядом в лицо сидящего напротив. Мaska. Просто лживая маска. Значит, Истен не ошибся тогда!

Но почему Венд говорил...

Понимание пришло вспышкой. Пошел бы их предводитель за чужим ему человеком в логово Черного шамана? Стал бы рисковать? Значит, человек был не чужой. Значит, Венд лгал тогда про встречу в Радоге, прикрывая ложь своего... кого? Друга? Хозяина?

Зависть, прежде свившая гнездо в сердце Истена, исчезла, уступив место ненависти. Ненависти бессильной и оттого еще более жгучей. Не просто человек, унизвивший Истена. Не просто один из многих неприятных людей. Нет, враг кровный, враг, не убить которого бесчестье.

Что-то изменилось. Молчание. И голос Темного:

— О чем задумался, Истен? Неужели о пиратских сокровищах?

Нужно было ответить.

Истен поднял голову, судорожно подбирав слова, посмотрел фальшивому пирату в глаза и понял — бессмысленно. Тот уже знает, что Истен догадался и что ненавидит его. Что они враги.

Об этом тоже говорили в столице — даже не говорили, а шептались, пугливо оглядываясь по сторонам. «Чует. Знает. Знает, когда замышляют против него. Знает прежде, чем храбрецы начинают действовать...»

— Вот, значит, как, — задумчиво сказал Темный и улыбнулся *иначе*. Тибор не улыбался так, а вот Тонгил, которого Истен не раз видел в столице, — да. Истен помнил эту кривоватую ленивую усмешку, после которой люди умирали десятками. Все, смел перейти Темному дорогу...

— Значит, понял, — кивнул Темный. — Жаль.

— Ты о чём, Тибор? — поинтересовался Кирк, который сидел к Темному ближе всех. А Истен бросил еще один быстрый взгляд на брата — и в этот раз получил ответ. Пратас тоже понял. В глазах брата были гнев и отчаяние.

Что они могли сделать против мага? Тем более *этого* мага?

— Тут такое дело, — сказал между тем Темный, повернувшись к Кирку. Потом обвел взглядом остальных, но Истену казалось, будто маг все это время продолжал смотреть только на него. — Я обещал вам всем службу в Кашиме, и вы сможете ее получить, если захотите, но позднее. Доберетесь до архипелага сами. Не маленькие, не заблудитесь. Я дам вам тамгу для беспрепятственного прохода и напишу письмо...

— Сами? — перебил его Кирк, хмурясь. — А ты куда денешься?

— У меня дела в Великой Степи.

— Ты с самого начала знал, что после храма отправишься в Степь? — потребовал ответа Кирк, и Темный кивнул.

— Да.

— Врал нам?

— Да.

— Ха! Ну ты наглец! — Вместо ожидаемого осуждения в голосе наемника слышалось восхищение. Впрочем, Истен удивлялся зря, Кирк с самого начала пути смотрел фальшивому пирату в рот и ловил каждое его слово.

— Поди, еще в чем-то врал? — Кирк приподнял брови, и Истен понял: южанин вспомнил их давний разговор и, похоже, впервые усомнился в личности Тибора.

— Да, — в третий раз согласился Темный. Сказал и потянул хитро завязанный узел на рукаве. Потом вынул из воротника незаметную иглу. Потом сделал еще что-то — Истен не следил, что именно. Он смотрел в лицо Тибора и ждал, когда оно станет лицом его кровного врага.

ГЛАВА 2

Когда последний якорь маски был снят, Арон неторопливо поднялся на ноги. Наемники продолжали сидеть на земле, на лицах смешались самые разные чувства — изумление, недоверие, растерянность. На одном даже что-то похожее на восхищение, — тут выделился Кирк.

И два лица, отражающие тщательно сдерживаемую ненависть. Братья Истен и Пратас. Проблема, которой Арон займется чуть позже.

— Представлюсь еще раз, парни, — сказал северянин и развел руками, будто извиняясь за прежний обман. — Мое настоящее имя — Арон Тонгил. Тот самый, вроде бы погибший Темный маг.

— А Тибор Цинт? — тихо спросил Дареш, наемник из десятка Шора. — Он...

— Он моя маска. Тибора Цинта никогда не существовало. Хотя мне понравилось им быть.

— А рассказ о том, что Тибор Цинт убил...

— Не о том спрашиваешь! — перебил Дареша Бракас и обратился к Арону: — На самом деле ты шел в храм Триады вернуть магию?

Арон слегка улыбнулся.

— Верно.

— Но наши клинки тебе все еще нужны? Для путешествия в Великую Степь?

— Это так. Клинки тех, кто поклянется мне в верности.

— А если нет? — Бракас прищурился.

— А если нет — погостите пару месяцев у Вольных, потом получите плату за задержку и тамгу для Кашимы. Мне не нужно, чтобы лишние уши слышали, куда я направляюсь.

— Для Тонгила Северного ты слишком добрый. — Бракас смотрел на Арона со странным выражением. — Не проще убить тех, кто откажется принести клятву?

— Я выполняю обещания, — возразил Арон. — Убиваю только врагов. Отказ в клятве не сделает васими.

— Добрый, — повторил Бракас и криво усмехнулся. — Плата какая?

— Десять таланов каждому. Если поездка затянется дольше месяца, удвою.

— Добрый и щедрый, ну надо же...

— Бракас, заткнись, — сказал Кирк. Поднялся на ноги, посмотрел Арону в глаза. — Я принесу клятву и поеду с тобой.

— Я тоже, — вторым поднялся Инис.

И почти тут же: «Я поеду с тобой», — послышалось от Дареша.

Бракас смотрел на Арон, хмурясь.

— Прежде чем обещать столь щедрую плату и требовать клятву, докажи, что ты действительно тот самый Тонгил.

— Что? — Сомнений в собственной личности Арон не ожидал.

— Я видел Тонгила, ты похож на него, но если у тебя была одна маска, вполне может найтись и вторая. И третья. Докажи.

Арон чуть склонил голову набок, разглядывая наемника. Под его взглядом Бракас занервничал, но не отступил, лицо приняло упрямое выражение. «Докажи, — говорил весь его вид, — ну же».

Тени пришли, стоило о них подумать. Отчего-то после обретения магии они стали откликаться быстрее и легче, в то время как власть над стихиями осталась прежней.

Тени пришли, и разом все стало серым — небо, земля, жухлая зелень, лица людей. Пришли, сгостились вокруг Бракаса, опутали коконом плотной паутины. Прижались плотнее.

Арон видел побелевшее лицо наемника, растущий страх в его глазах. Тени не делали пока ничего, только слегка касались человека. Арон знал, их прикосновение ощущалось по-разному. Как прохлада змеиных тел. Как бархатное полотно. Как шершавая кора. Но каким бы прикосновение ни было, в любое мгновение любая из Теней могла стать удавкой на шее, дубиной, перебивающей позвоночник, кнутом, разрывающим кожу и мышцы.

— Убедился? — спросил Арон мягко.

Бракас медленно кивнул, словно опасаясь, что резкое движение спровоцирует Тени на удар.

Арон сделал жест рукой — по сути, ненужный. Тени подчинились мысленному приказу, и серый кокон начал таять в воздухе. Быстро, но недостаточно быстро — Кирк успел шагнуть вперед и молниеносным движением поймать одну из Теней за хвост. Поймать и удержать достаточно долго, чтобы ощутить ее материальность. Потом эта Тень исчезла следом за остальными.

Арон перевел взгляд на Бракаса.

— Итак?

— Я останусь с Вольными, — хрипло ответил тот.

Арон кивнул, именно такого ответа он и ожидал. И наконец посмотрел на все еще сидящих на земле братьев.

— Мне нужно поговорить с Истеном и Пратасом, парни. Прогуляйтесь пока. Можете съездить на охоту, — приказал Арон остальным, и те согласно закивали, направляясь к стрено-жененным коням.

— С вами, как понимаю, без вариантов. — Темный, дождавшись, пока остальные отъедут, сел на землю напротив Истена. Оружия не доставал. К чему? И без того вокруг его рук серым туманом вились Тени, сейчас почти прозрачные, но готовые в любой миг обрести материальность.

Зависть кольнула сердце привычной иглой. Вот если бы Истену повезло родиться с Даром, вот если бы...

— Услал всех, чтобы без помех от нас избавиться? — спросил Пратас, сказав то, о чем сразу подумал Истен. — Наплещешь им, что это мы на тебя напали?

— Планируете напасть? — Маг вскинул брови.

— Мы похожи на самоубийц? — мрачно спросил Пратас.

— Ты нет, а твой брат — вполне.

Истен на мгновение встретился с Темным взглядом и торопливо отвел глаза. «Знает? — мелькнула мысль. — Или все же нет?»

— Истен, — мягко проговорил маг, — за что ты так ненавидишь меня, Истен? Скажи.

Боль толкнулась в груди. И, заглушая голос разума, поднялась ненависть. Яркая, как в тот день, когда все случилось. «Тварь! — захотелось кинуть Темному в лицо. — Убийца! Клятвопреступник! Будь проклят за то, что ты сделал! За то, чего ты меня лишил...»

— Мы служим Солнечному, — перебил мысли Истена брат. — Все Темные маги суть порождения Тьмы, но ты... Даже среди них ты выделился злодеяниями. Этого недостаточно для ненависти?

Стоило Пратасу заговорить, и желание высказать все схлынуло. Осталось лишь изумление. Неужели Истен действительно только что собирался выбросить на ветер жизнь брата и свою собственную?

Истен взглянул на мага — тот отвернулся от него и смотрел сейчас на Пратаса.

«Вот оно что, — пришло вспышкой озарение, — Дар убеждения. Но ведь об этом не говорили. Никогда не говорили. Или те, кто узнал, прожили слишком недолго, чтобы рассказать?»

— Скажи, что плохого я сделал тебе, Пратас? Ведь сделал же? — Маг смотрел на брата, говоря все тем же мягким тоном.

«Скажи мне, — вновь стукнуло в висках Истена. — Скажи — и тебе станет легче. Излей свою ненависть».

Лицо Пратаса исказилось яростью. «Он ненавидит Темного не меньше, чем я, — мелькнула мысль. — И тоже не может смириться с тем, что случилось».

А за мыслию пришло понимание того, что произойдет через несколько мгновений. Истен словно наяву увидел, как Пратас вскакивает на ноги, выхватывает меч и наносит магу удар. Пытается нанести. Как кричит те самые слова, которые только что хотел прокричать Истен. Как меч бесполезно ударяет о магические щиты и как довольно усмехается маг, потому что он наконец понял, кто они такие.

Но на ноги вскочил Истен — отвлекая внимание от брата, давая тому возможность очнуться. Вскочил, судорожно подбирая слова, которые не будут ложью, но которые не выдадут. Которые позволят им с Пратасом остаться в глазах мага теми, чья ненависть не опасна. Остаться *никем*.

Арон смотрел в искаженное злостью лицо Истена. Слушал его звенящий от гнева голос. Слушал слова о судьбе двух послушников Солнцеликой Гиты, не успевших стать ее рыцарями. О Радоге, о сгоревшем там храме, о сгоревших мечтах стать в этой жизни кем-то. И теперь братьям нужно начинать все сначала, потому что он, проклятый Темный, все разрушил.

Ненависть была искренней. А слова... Смысл, который они несли, был правдив: «...разрушил, сломал. Будь проклят, проклят, проклят...» Но было что-то еще, что Истен пытался спрятать за щедро бросаемыми проклятиями, а Пратас — за громким молчанием.

Добровольно не скажут, понял он. Разве что под пыткой. Пытать их Арон не собирался. Убивать тоже. Если убивать всех, кто его ненавидит, придется ополовинить империю.

«Неправильно, — сказал знакомый голос, и Арон вздрогнул. — Врагов нужно убивать. Всех. Иначе потом они убьют тебя».

Все проклятия Истена Темный выслушал с выражением равнодушного внимания. В его глазах Истен с братом были никем. Их ненависть не имела значения. Их проклятия лишь впустую сотрясали воздух. Их можно было убить или помиловать, и это ничего не меняло. Именно то впечатление, которое пытался создать Истен. Которое давало им шанс на жизнь.

Истен замолчал. Дышать было тяжело, ненависть — настоящая, не притворная — жгла. Вгляделся в лицо мага. Продолжит притворяться добрячком и оставит им жизнь? Или нет?

Темный смотрел не на него, а куда-то в пространство между Истеном и Пратасом, размышая. Решая.

После вспышки злого веселья у храма Триады Прежний не появлялся больше суток. И вот...

«Ты знаешь о братьях что-то такое, чего не знаю я?» — мрачно спросил Арон.

Пауза. Потом двойник недовольно ответил:

«Я знаю, что они ненавидят меня... тебя. Не важно кого из нас, но ненавидят. Этого достаточно. Какой смысл в ненужном риске? От врагов следует избавляться до того, как они сделают первый шаг».

«Ты так заботишься о моей безопасности, Прежний».

«Я забочусь о безопасности своего тела. Хочу вернуть его прежде, чем ты найдешь способ подожнуть во второй раз».

Арон встал, призывая Тени, и те заклубились серым туманом.

Братья вскочили на ноги, Пратас выхватил из ножен меч, в руках Истена блеснули жала. Младший брат даже успел их метнуть — недалеко. Лезвия увязли в Тенях и беззвучно упали в траву. А Тени обвились вокруг шей братьев, вокруг их запястий и обрели материальность. Вот Тень на правой руке Пратаса сжалась чуть сильнее — и меч выпал из пальцев воина. Теневой ошейник на Истене затянулся — и еще четыре жала, которые он успел достать, тоже потерялись в траве, пока Истен пытался ослабить ошейник, чтобы вдохнуть.

— Успокоились? — спустя минуту спросил Арон. — Вот и хорошо. Убивать вас я не убью, если не будете нарываться. Оставлю у Вольных вместе с Бракасом, а там уж решайте, в Кашиму вам дорога или в другое место.

Истен бросил на него быстрый взгляд, глаза молодого воина полыхнули ненавистью. Бросил взгляд и тут же торопливо опустил голову. Пратас тем временем молча поднял меч, убрал в ножны, потом сел к потухшему костру, поворотил веткой посевшие угли, ища живые огоньки. Ни на мага, ни на Истена Пратас подчеркнуто не смотрел.

Умирать братья не хотели.

Наступила тишина. Такая спокойная. Такая мирная.

Такая фальшивая.

Когда остальные вернулись с охоты и увидели серые «украшения» на шеях и запястьях братьев, никто из них не сказал ни слова. По крайней мере, не сказал там, где это мог услышать Арон. Только Кирк, дождавшись момента, когда рядом никого не было, спросил:

— А не проще ли было эту парочку того?.. — и красноречиво чиркнул себя указательным пальцем по горлу.

Арон молча пожал плечами.

— Я могу устроить им несчастный случай, — предложил наемник и широко улыбнулся. — Никто не догадается.

— Можешь, но не будешь, — ответил Арон, пытаясь задавить свои сомнения. Нет человека — нет проблемы. Нет двух человек... В конце концов, Арон не клялся именами богов, он всего лишь дал обещание помочь братьям добраться до Кашимы. Всего лишь обещание...

А уж как доволен будет Прежний, если братья умрут.

Арон прислушался, почти уверенный, что вот сейчас в голове прозвучит знакомый — свой собственный — голос. Но нет. Прежний молчал.

— От них есть какая-то польза? — спросил Кирк задумчиво. — Ты поэтому...

— Я принял решение, — сказал Арон мягко. Должно быть, слишком мягкo, поскольку Кирк бросил на него быстрый взгляд и то ли понял что-то, то ли вспомнил. Взгляд стал настороженным.

— Конечно, господин Тонгил.

Пауза — пара мгновений. Потом Арон чуть улыбнулся и сказал привычным тоном:

— В дороге официальное обращение ни к чему. Можешь звать меня по имени.

Кирк моргнул, настороженность из взгляда исчезла.

— Я знаю два имени. Каким из них?

— Любым. Первое дали мне родители, второе я выбрал сам.

— Хорошо... Тибор.

— ...Когда туман рассеялся, люди увидели, что фегиты больше не извергают горящий камень, а провалы в земле закрылись. И тогда люди поняли, что время Уттири закончилось...

Арон подкинул в воздух огненный шарик размером не больше, чем кулак младенца. Поймал, подкинул вновь. Монотонные движения помогали думать, слова древней легенды, которую рассказывал Инис, скользили мимо сознания.

— Уггири — это на каком языке? — лениво спросил у рассказчика Кирк. — Впервые слышу это слово.

— Это из древнего языка септов. Сейчас на нем не говорят, — вместо Иниса объяснил Истен.

Шел третий день как братья носили серые ошейники. Первый день молчали оба, на второй день Истен начал участвовать в разговорах, но Пратас продолжал отмалчиваться. Даже тогда, когда к нему обращались, он лишь смотрел исподлобья и самое большое мог буркнуть что-то неразборчивое в ответ.

— И что это слово значит? — продолжал расспрашивать Кирк.

— Хаос. На древнем языке «Уггири» означает Хаос.

Хаос. Время Хаоса? То самое время, о котором упоминал жрец Многоликого в храме Триады?

Арон поймал огненный шар и в этот раз сжал руку в кулак, впитывая пламя. Повернулся к говорившим.

— От кого ты услышал эту легенду, Инис?

— От своего деда.

— А он?

— Он от своего.

— Твой дед говорил, когда именно закончилось время Уггири? Желательно по летоисчислению, принятому в империи.

Молодой наемник нахмурился.

— Это ведь легенда, Тибор. У легенд не бывает точных дат.

— Значит, не говорил. — Арон раскрыл ладонь, позволяя пламени вернуться и вновь скрутиться в шар. — Кажется, я пропустил пару моментов твоего рассказа. Будь так добр, расскажи все еще раз, с самого начала и со всеми деталями, какие помнишь.

Инис растерянно моргнул.

— Как скажешь, Тибор. Мне нетрудно.

— Ты стал собирателем древних сказаний, Тибор? Подходящее занятие для главы Темного Ковена.

Арон чуть приподнял брови — впервые за три дня Истен обратился к нему напрямую. И яд сочился из каждого слова. Ненадолго хватило его страха.

— Да, — согласился северянин. — Напишу манускрипт о южных легендах. Потом прикажу магам в Ковене выучить его наизусть. Тех, кто не сможет, скормлю бесам.

Пратас, хлебавший похлебку, замер с ложкой, поднесенной ко рту. У Бракаса, острившего нож, выпал из рук точильный камень. Остальные просто уставились на Арона круглыми глазами.

Все, кроме Кирка. Тот громко, во весь голос, расхохотался.

— Это что, была шутка? — неуверенно спросил Дареш.

Арон пожал плечами.

— Сам Темный и шутки такие же, — недовольно пробормотал Бракас, подбиравая точильный камень и возвращаясь к своему занятию.

Арон вздохнул.

— Привыкайте, парни, чувство юмора у меня своеобразное. Иניס, я жду.

— Время Уггири, — молодой наемник прокашлялся. — Время Уггири началось...

«Кстати, — шепнул Прежний. — Мне нравится твоя идея насчет манускрипта. Маразматики с дырявой памятью в Ковене действительно ни к чему».

ГЛАВА 3

— Холодаает. — Венд с завистью посмотрел на Ресана, который, казалось, холода вообще не замечал. А вот у Венда ужасно мерз нос. Очень неприятно и даже как-то несолидно. Потом нос, конечно, привыкнет, но первые дни холодов он всегда леденел сосулькой. Даже трогать было боязно, вдруг растает и отвалится.

— Да, — рассеянно согласился юноша, не глядя на Венда, — холодаает. Сегодня вечером придет первая буря.

— Сегодня? — только и смог повторить Венд. Остальные мысли из головы вылетели.

— Нужно найти укрытие. — Ресан остановил коня и осторожно снял с шеи цепочку с амулетом, стеклянным шаром, внутри которого плавал серый туман. Потер, потом встряхнул. Туман на мгновение разошелся, показав нечто, напомнившее миниатюрную версию замковых развалин, абсолютно белых. Тут — крепостная стена, наполовину обвалившаяся, тут — проем на месте, где были ворота, а тут... Досмотреть не удалось — туман вернулся на место.

— Дед предусмотрел, что зимние бури могут застать нас в пути. Дал вот...

— Что это за развалины?

— На них древняя защита. В Степи много мест с защитой, и амулет всегда показывает ближайшее. Не знаю только, успеем ли добраться.

Успеем ли? Венд поднял голову, глядя на небо, покрытое серой пеленой. С рассвета ни прорехи голубого неба, ни луча солнца.

— Ты видел зимнюю бурю раньше?

— Да. — Ресан тоже посмотрел на небо и поежился. — Но тогда я был в Хранимом месте.

Они ехали.

Небо темнело.

Холод усиливался, тишина оглушала.

И Венд уже не мог понять, как давно они едут, день сейчас, вечер или вовсе ночь, такая же серая, как и день. Бывают ли на юге такие же серые ночи, как на севере?

— Я не могу понять, день сейчас или ночь, — сказал Ресан, будто услышав мысли Венда. И добавил дрогнувшим голосом: — Это один из признаков приближения бури — потеря чувства времени. Сейчас... сейчас начнется.

Разрушая тишину, задул западный ветер. Пригибая траву. Напевая. Насвистывая. Плача. Проклиная. Смеясь.

— Что это? — силясь перекричать ветер, Венд наклонился к Ресану.

— Духи предков! — крикнул тот в ответ. — Они приходят первыми!

Венд уже не только слышал их, но и видел — сотни, тысячи призраков, надвигающихся с запада. Кто-то верхом, на конях призрачных, но способных приминать траву. Кто-то в виде человека-птиц, с крыльями, растущими из плеч.

Духи приближались куда быстрее, чем любое войско живых, и Венд уже мог видеть их лица — широкоскульные лица кочевников, мужские и женские. Мог разглядеть их глаза, горящие гневом и торжеством.

Вот сейчас сомнут, втопчут в землю, проткнут для верности призрачным оружием. Отчего-то у Венда не возникло даже доли сомнения: и копья и мечи в руках духов способны убивать живых.

Вот сейчас...

Войско призраков достигло их — и потекло мимо, огибая оцепеневших чужаков. Пылающие потусторонним огнем глаза скользили по живым равнодушно, человеко-птицы проносились над головой, поройроня призрачные перья. Одно такое перо упало Венду на предплечье, словно острой бритвой пропороло рукав куртки, а когда Венд торопливо встряхнул рукой, воткнулось в землю и исчезло.

А потом их заметили.

От армии призраков отделились несколько всадников и направились к ним. Троє мужчин и женщина. Первый мужчина с разрубленной до переносицы головой, второй — с развороченными ребрами, сквозь которые виднелся комок мертвого сердца, третий — с распоротым животом, откуда выпадали кишки. Менее всего пострадала внешность женщины, у нее просто не было правого глаза. Оттуда, где ему полагалось быть, смотрела чернота.

Ресан соскочил с коня, шагнул призракам навстречу, поклонился. В лице юноши не было ни кровинки, только страх и желание развернуться и сбежать. Но Ресан держался.

Четверка призраков остановилась и, словно невидимый маг поставил полог беззвучия, ветер стих, принеся тишину — такую же мертвую, как и войско, текущее мимо.

Ресан заговорил на языке тууров. Несколько раз голос юноши срывался, и каждый раз Венду казалось, больше Ресан не сможет выдавать ни слова. Но нет, тот продолжал. В речи юноши Венд улавливал лишь отдельные слова и осколки фраз. «Послание Великому шаману... сообщить... враги... Черный шаман... болотные...»

Призраки слушали молча, на их лицах не отражалось ничего. Только когда Ресан закончил говорить, женщина указала на Венда и на том же языке задала один короткий вопрос, который воин, к собственному удивлению, понял полностью.

«Он с тобой, девочка?»

Девочка? — мелькнула удивленная мысль. Почему девочка? Да нет, послышалось. И вообще, нужно лучше выучить язык тууров, все же самое многочисленное племя в Степи.

Да, выучить...

Сперва бы выжить.

«Со мной», — хрипло ответил Ресан.

Женщина кивнула и первой развернула коня, возвращаясь в мертвое войско. Ее молчаливый эскорд последовал за ней. Тишина ушла вместе с ними. Вновь завыл, запел, засмеялся ветер. И продолжала течь, огибая чужаков, волна духов. Ряд за рядом, будто все мертвецы, когда-либо погибшие в Великой Степи, выбрали этот день, чтобы восстать в том облике, какой их души запомнили последним.

А потом мертвая армия закончилась. Ушла туда, куда дул западный ветер.

Венд несколько раз глубоко вздохнул, втягивая воздух, пахнущий одновременно грозой и свежей могилой. Только сейчас

услышал, как бешено колотится в груди сердце. За годы наемничества ему всякое довелось видеть, но такое ни разу.

— Если бы не амулеты твоего деда, нас бы растоптали, — выговорил с трудом.

Ресан, бледный до синевы, продолжал смотреть вслед ушедшей армии и, казалось, не слышал. Встрихнулся, зачем-то глянул на свои руки — хотел проверить, не дрожат ли пальцы? Венд видел — дрожали. Заметно дрожали. Потом юноша перевел взгляд на своего спутника.

— Нет, — выговорил хрипло. — Нет, амулеты ни при чем. Дед предупреждал не попадаться на пути духов. Им нет дела до верительных грамот. Они восстают, чтобы очистить Степь от чужаков. Они должны были убить нас.

— Но ты заговорил с ними.

— Я подумал, стоит попробовать. — Ресан глубоко вздохнул и вновь достал амулет пути. Посмотрел. Убрал. Подошел к коню, уткнулся лицом в густую гриву и стоял так несколько мгновений. Потом с заметным трудом забрался в седло. Пальцы его все еще дрожали.

Повернулся к Венду.

— Между появлением армии духов и началом метели проходит несколько часов. Не знаю, почему духи нас не тронули, но яд метелей опасен даже для кочевников. Развалины уже близко. Может быть, мы даже успеем.

Вскоре в Степь пришла настоящая ночь. Конечно, никакая не темно-серая, а настоящая южная, непроглядно черная, потому что и луна, и звезды были все так же скрыты за тучами.

— Кони не испугались духов, — неожиданно для себя произнес Венд. — Они должны были испугаться, но не испугались. Почему?

Ресан лишь пожал плечами. После встречи с армией мертвых он почти не говорил. Только все чаще доставал амулет пути, а потом и вовсе перестал прятать его под одежду.

— Не хочу умирать, — сказал вдруг. — Не хочу!

— Помолись Солнечному, — предложил Венд. Сам он не особо верил в силу молитвы, но мальчишке могло стать легче.

Ресан покачал головой.

— Над Великой Степью нет власти Солнечного. Ни одной молитвы отсюда он не услышит. — Потом криво усмехнулся: — Разве что Многоликого попросить о милости. Чтобы мы успели добраться. Чтобы выжили. Чтобы...

Следующее «чтобы» осталось невысказанным — впереди блеснула белая каменная кладка.

«Неужели Многоликий и впрямь услышал?» — подумал Венд, но предпочел оставить эту мысль при себе. Ресан, похоже, пришел к тому же выводу, но вместо радости на его лице отразилось смятение. Солнечный обязательно узнает, а он не прощает своим верным отступничества. Даже случайного, даже на мгновение.

Потом смятение исчезло, вместо него на лице появился вызов. Юноша встряхнулся и посмотрел в черное небо.

— Это не была молитва Многоликому! Только несколько пустых слов.

Ветер, ровно дувший последние часы, вдруг стих. Венд на мгновение прикрыл глаза — ругать твердолобую правдивость Ресана смысла уже не имело.

— Быстрее! К развалинам! — крикнул он парню и пришпорил коня, понимая, что сейчас начнется. Боги не любят, когда их милость отвергают.

Один удар сердца, второй, третий... На четвертый удар ветер вернулся, в несколько раз сильнее, чем до того. И вместе с ветром прилетели первые крупинки снега. И не только снега, — понял Венд, когда режущей болью обожгло лицо, а потом и руки. Жалобно заржал конь.

Снег пошел густой стеной, не давая видеть дальше пяти шагов. И капли яда, смешанные со снегом, падали все чаще, разъедая кожу лица и рук, оставляя кровавые полосы на крупе коня. Первые мгновения боль от яда была мучительной, потом исчезла, и это отчего-то испугало Венда больше всего. И конь уже не бежал к спасительным развалинам так быстро, как прежде. Не мог?

Надо было что-то сделать, чтобы заставить его бежать быстрее, но что? Мысли начало закрывать такой же пеленой, как и мир перед глазами.

— Очнись! — прокричал голос рядом. — Очнись!

И все растворилось в белой пелене...

ГЛАВА 4

Было холодно и темно. Огонь, зажженный в полуразрушенном очаге, старался, но не мог принести ни тепла, ни света.

Венд медленно поднялся — лежал он, как оказалось, на попоне своего коня, брошенной на каменный пол — и побрел к огню. Опустился на колени рядом с очагом, протянул к языкам

пламени закоченевшие руки, но так и не почувствовал тепла. Наоборот, показалось, что от близости огня стало холоднее.

— Сгоришь, но не согреешься, — сказал за спиной Ресан.

Венд повернулся к нему.

— Почему?

— Из-за яда. Пока весь яд не выйдет, согреться не сможешь.

И замерзнуть сильнее, чем сейчас, тоже.

Венд посмотрел на свои пальцы, на тыльные стороны ладоней, покрытые красными вспухшими полосами.

— На лицо я такой же красавец?

— Да.

— А ты... — Венд всмотрелся в лицо юноши. — На тебе нет следов яда.

Тот неопределенно пожал плечами.

— Немного жгло поначалу, потом прошло.

«Как у настоящего кочевника», — хотел сказать Венд, но не сказал. Наверное, оттого, что эта самая мысль уже читалась в глазах Ресана и счастливым его не делала.

— Не помню, как оказался здесь, — сказал Венд, меняя тему. — Я же потерял сознание еще там, снаружи. Как у тебя хватило сил затащить меня?

— Ты не потерял сознание, — кратко ответил Ресан, — сам сюда дошел, на своих ногах. Яд вызывает провалы в памяти. И еще... тебе скоро начнет чудиться.

— Что чудиться?

Ресан пожал плечами.

— Люди, звери, боги — откуда мне знать? Всем чудится разное.

— Может, я тогда отдам тебе оружие? А то мало ли...

Юноша покачал головой.

— Вместе с видениями приходит оцепенение. Лучше ляг побуднее, потому что, если свалишься здесь, я тебя с места не сдвину.

Венд вернулся за попоной, бросил ее на пол ближе к огню и растянулся во весь рост. Потом вскинулся.

— А наши кони?!

— Я их устроил в соседнем зале, — ответил Ресан, задумчиво глядя на пламя. Венд приподнялся на локте, рассматривая юношу. Что-то в его внешности вдруг показалось неправильным. Волосы. Не привычные темно-русые, а светлые, отливающие золотом.

— Похоже, начались обещанные видения, — сказал Венд, и Ресан повернулся к нему. Нет, не Ресан. То есть лицо-то осталось Ресана, а вот тело стало определенно женским, со всеми округлостями в нужных местах. Весьма щедрыми округлостями.

Венд зажмурился, надеясь, что, когда откроет глаза, все вернется в норму, но стало только хуже. Теперь и одежда Ресана превратилась в женскую, в платье из тех, что носят богатые тэры. В ушах закачались драгоценные серьги, на шее очутилось ожерелье. Из общей картины выбивался только узкий кожаный пояс, изрядно потертый. Поверх роскошного платья он смотрелся странно.

Ресан встал, поднял с пола меч в богато украшенных ножнах — откуда взялся меч, Венд не понял — и прицепил к поясу.

Подобрав одной рукой полы платья, а другой придерживая оружие, Ресан шагнул в очаг. Пламя взметнулось, охватывая его фигуру, а когда опало, вместо юноши Венд увидел шамана. Шамана старого, незнакомого, но определенно очень именитого, судя по количеству черепов цуэго, нашитых на его одежду. Нижние челюсти у черепов были убранны, а клыки верхних челюстей покрыты белой краской.

Шаман выступил из очага, не обращая внимания на льющие к нему языки пламени, нахмурился, глядя на Венда, и велел:

— Встань.

Неведомая сила взметнула Венда на ноги.

Шаман осмотрел его с ног до головы и покачал головой.

— Линии стерты, дух не слышит.

Вернулся в очаг и исчез.

А из темноты, с противоположной от очага стороны, выступил Тибор, то есть Арон, в традиционном одеянии главы Светлого Совета. В руках он держал жезл в полтора локтя длиной. Жезл был черным, с навершием в виде черепа.

— Не заезжай в племя тууров, — с этими словами маг ткнул Венда жезлом под ребра. — Понял? И никому не говори, что я жив, особенно Мэа-таэлю.

— Понял, — Венд потер ушибленное место, — можно было и не бить.

— Нельзя, — возразил маг. — Раз я привиделся тебе именно с этой штукой, — он потряс жезлом, — то должен ее как-то использовать. Кстати, что это такое?

Венд растерялся.

— Что-то темно-магическое. Наверное.

— Да? — Арон скептически посмотрел на жезл, крутнул в руке. — Не похоже... И нарядил ты меня непонятно во что. Я разве Светлый?

— Я не специально.

— Ладно, прощаю, — сказал маг великодушно и уселся на пол, положив жезл на колени. — Подожду следующих видений

вместе с тобой, а то ведь сам не догадаешься спросить их о чем-нибудь полезном.

— А ты сам, — обратился Венд к Арону, — может быть...

— Я сказал тебе все, что собирался, — перебил его маг. — Сейчас садись и молчи. Если слушать внимательно, духи Степи расскажут немало интересного.

Ресан смотрел, как Венд вытянулся на лежанке. Потом, почти сразу, его лицо приобрело то самое одновременно расслабленное и тревожное выражение, которое юноше уже доводилось видеть раньше, на совсем других лицах.

— Ты не сказал ему, что он может не очнуться, — на языке туров произнес детский голос за спиной Ресана.

Юноша не обернулся. Ему не нужно было оборачиваться, чтобы знать, кто говорит.

— Человеку, идущему в мир видений, ни к чему лишние заботы.

— Поэтому ты промолчал и про меня?

— Да.

Из темноты вышел ребенок — девочка лет десяти, черноволосая и черноглазая, со смуглым не то от природы, не то от загара лицом. За ее спиной висел лук — небольшой, как раз на детскую руку — и колчан со стрелами. На пояссе — два длинных охотничих ножа.

Девочка слегка наклонилась, рассматривая лежащего человека.

— Чужаки не переносят яд бури. Даже если очнется, будет слаб как младенец. Только вот он не очнется.

— Почему? — спросил Ресан резко.

Девочка пожала плечами.

— В прошлом году в наше становище забрели чужаки из Каганата. Беглецы. Попали под самый край зимней бури, как и мы. Наш шаман разрешил дать им убежище, только зря, ни один из них не вернулся из видений. Шаман сказал, у чужаков не нашлось проводника, поэтому они не смогли очнуться.

— Почему их прежде не убили духи?

— Они прошли Вратами уже после того, как армия духов ушла. Пытались попасть в королевство Альдемар, а оказались у нас. Говорили, какой-то сбой в работе Врат.

Ресан сел рядом с Веном.

— Я буду ждать, пока он не очнется.

— Пока он не умрет, — поправила девочка. — Последние каганатцы умерли на четвертый день.

ГЛАВА 5

Дни сменяли друг друга, похожие, как братья-близнецы.

Истен заставлял себя молчать, изо всех сил. Избегал даже смотреть в сторону мага. Пратас, как он видел, делал то же самое.

Им нужно было выжить.

Не провоцировать.

Не напоминать о себе.

А еще Истен наблюдал. Слушал. Запоминал. Пытался понять — но пока не мог.

Зачем Темному было ехать в Степь?

Зачем перед этим заезжать к Вольным?

И почему последнее время он так полюбил расспрашивать всех в отряде о древних легендах, где хотя бы раз упоминалось время Хаоса?

Истен и сам бы мог рассказать пару таких историй, если бы он вдруг сошел с ума и решил помочь Темному в его непонятных поисках. Только не было в этих историях ничего интересного. Очередные вариации на тему того, как демоны раскололи мир и как благие боги прислали своих аватаров собирать мир по кусочкам. Старые истории с моралью. Истории из тех, что рассказывают детям.

Дни сменяли друг друга, похожие, как братья-близнецы, пока один из них вдруг не решил отличиться. Выделиться. День, когда Темный не проснулся.

Тонгил лежал на спине, глаза закрыты, одна рука закинута за голову, выражение лица спокойное. Если приглядеться, можно было заметить чуть заметную улыбку и грудь, поднимающуюся в такт дыханию.

Маг спал, игнорируя все попытки его разбудить.

Истен долго стоял рядом, представляя, как вонзает копье в сердце спящего Темного. Как отрубает ему голову. Как...

Мечты. Пустые мечты. Над магом, даже спящим и ни на что не реагирующим, продолжали работать щиты. И один из наемников, просто хотевший тряхнуть Темного за плечо, баюкал сейчас обожженную руку, а мажонок авторитетным тоном объяснял: тому очень повезло, что рука у него вообще осталась.

Утро перетекло в день, потом в вечер. Отряд ждал. И только когда на небе появились первые звезды, маг проснулся. Буднично открыл глаза, потянулся, сел, обводя взглядом вечерний костер и людей, как раз заканчивающих ужинать. Поднялся на ноги.

— Как долго я спал? — спросил.

— Сутки, — первым отреагировал Иניס.

— Хм... — Маг заглянул в котел, висящий над костром, и потянулся за своей миской — положить остатки рагу, результат сегодняшней охоты и собирательных способностей Рикарда. — Долго. Но выспался хорошо.

— Мог бы и предупредить, — пробурчал Бракас. — Мы бы тогда не пытались тебя разбудить.

— Мы — это кто? — Маг зачерпнул первую ложку, потом еще раз оглядел отряд. — Кирк, что у тебя с рукой?

— Вот он и пытался, — объяснил Бракас.

Темный отставил еду в сторону и поманил к себе южанина.

— Иди сюда. Посмотрю.

Тот неловко поднялся, подошел прихрамывая. Истен прекрасно помнил, когда наемник попытался разбудить мага, тряхнув за плечо, его неслабо приложило о землю. А потом начались проблемы с рукой.

Кирк размотал тряпицу, открыв тыльную часть поврежденной кисти, всю покрытую кровавыми пузырями.

— Однако, — пробормотал Тонгил, — как ты...

Маг замолчал, не договорив, жестом велел наемнику сесть рядом и осторожно повернул его руку ладонью вверх. Ладонь выглядела намного хуже. Так, словно ее жарили — горевшая кожа и сплошной кусок запекшегося мяса под ней.

— Заживет, — негромко сказал Кирк, — на мне все быстро заживает. Через неделю будет в рабочем состоянии. Повезло, что левая.

Маг кивнул то ли наемнику, то ли собственным мыслям.

— Могут быть непривычные ощущения. Не дергайся, — предупредил. Дожидаться ответа не стал, протянул свою руку над рукой наемника.

Истен знал этот жест. Видел не раз в исполнении других магов. Знал, но сразу поверить тому, что видит, не смог. И, не веря, наблюдал, как багровая корка исчезает, заменяясь новой кожей, розовой и гладкой.

— Темные не лечат, — сказал кто-то в наступившей тишине. — Только те, кого благословили Светлые боги, могут... — Истен с запозданием понял, что говорившим был он сам, и замолчал.

Тонгил бросил на него насмешливый взгляд.

— Конечно, не лечат, — сказал покладисто. — Вам всем показалось. И Кирку тоже кажется, будто его рука больше не болит. Верно, Кирк?

Южанин, с недоверчивым видом сжимавший и разжимавший пальцы на вылеченной руке, поднял голову и взглянул сперва на Истена, потом на мага. Взгляд у него был растерянный — наемник явно не понял, что от него требовалось.

Тонгил вздохнул.

— Не знаю, кто придумал, будто Темные не могут лечить. Могут, просто не хотят.

— То есть ты... Ты просто захотел?! — вырвалось у Истена.

«Чудовище просто захотело лечить людей», — говорил его тон. «Так не бывает!» — говорил его тон.

Тонгил бросил на Истена еще один взгляд, и юноша опомнился. «Не провоцируй, — сколько раз повторял ему брат. — Ради всего святого, не провоцируй его!» Если Истен сказал больше, чем Темный согласен был стерпеть...

Чтобы убить их с братом, магу хватило бы одного мысленного усилия.

— Да, — ответил Темный после паузы. — Да, я захотел.

Потом повернулся к Кирку.

— Ожог сошел вместе со старыми мозолями, кожа на руке у тебя теперь нежная, как у младенца. Будь осторожен первое время.

Кирк что-то ответил, что именно, Истен не вслушивался. Отвернулся от костра, от людей. Перед глазами встала картина из прошлого, лишь один эпизод из многих.

— Не подходите! Ближе нельзя! — прокричал юнец в сером балахоне, помощник лекаря, осматривавшего тела, и Истен остановился. Хотя Тонгил пообещал, что болезнь ушла и трупы безопасны, веры ему не было.

Трупы, скрюченные в предсмертной судороге, уже окоченевшие, лежали во дворе дворца. Князь Санур, его дети, его телохранители и слуги. Отсюда Истен видел не меньше пятнадцати тел.

— Тебе не стоило приходить, — сказал Пратас за спиной.

— Я должен был увидеть сам, своими глазами, — ответил Истен, не оборачиваясь. — Убедиться, на что он способен.

А потом они стояли в молчании, а служители в сером все выносили и выносили мертвцев из внутренних покоев...

— Ты знаешь, что наследник князя подарил этот дворец Тонгилю? — долгое время спустя спросил Пратас. — И дворец, и прилегающие владения?

— Знаю. Он в ужасе. Хотя он всегда был трусом.

— Светлый Совет молчит?

— Молчит. Все молчат. Будут молчать, пока не найдут лекарство от этой болезни.

— Оно вообще есть, это лекарство?

Истен не ответил. В глубине души он разделял сомнение Пратаса в способностях императорских лекарей. О, искать они станут. Но будет ли толк?

Человек, подхвативший эту новую заразу, умирал в течение часа. Никакое известное лекарство не помогало. Не помогала и магия. Где-то во дворце князя еще лежали тела двух целителей, Светлых магов. Перед этой болезнью их Дар спасовал.

Мертвецов начали грузить на повозки. Их всех, невзирая на родовитость, вывезут за город и там, в заброшенных камено-ломнях, сожгут. Потом закопают то, что останется от тел.

— Рано или поздно найдут, — сказал Истен наконец. — Нашли ведь лекарство от Синей чумы. А когда найдут, тогда мы избавимся от этого мага.

Не получилось. Поиски, длившиеся почти полгода, оказались безуспешны. А потом Тонгил убил Великого Неркаса и потребовал полагавшийся ему по стариинному обычаю титул Великого мага. Нет, сразу этот титул ему не достался, как и место главы Темного Ковена. Темные тоже не любят высокочек. Но когда он добился своего...

Истен не видел этого сам, но ему рассказали, как Тонгил явился в императорский дворец и, улыбаясь своей мерзкой кривоватой улыбкой, преподнес в дар императорским лекарям три пиалы с лекарством от заразы, которая погубила князя Санур. «В знак доброй воли», как он сказал. И добавил: если какое-то благородное семейство вдруг сляжет с новой непонятной болезнью, пусть обращаются к нему. Он, Великий маг Тонгил, знает, как исцелять от редких хворей.

«Почему, — думал Истен, — почему боги дали чудовищу, по ошибке родившемуся человеком, Дар исцеления? Лишь очень немногие Светлые владели этим Даром. Да, он не впечатлял так, как огненный шторм, как землетрясение, как озера, замерзшие среди лета. Но этот Дар был самым благим из всех».

ГЛАВА 6

Первым, что он ощущил, было тепло. Наконец-то тепло.

Венд открыл глаза, но ничего не увидел. Темнота казалась абсолютной — словно в могиле. Сел, ощупывая все вокруг себя, пытаясь понять, где он. Пол, по ощущениям, был просто утоптанной землей.

Венд медленно поднялся, постоял, привыкая к новым — старым ощущениям в ногах, к самой возможности ходить, и вследнюю побрел куда-то. Наткнулся на стену, которая крошилась под пальцами, и пошел, опираясь, вдоль нее. А потом стена под руками Венда вдруг шевельнулась, покачнулась и вытолкнула его наружу, в холод и яркий свет дня.

И тут Венд проснулся. В этот раз по-настоящему.

Ярким светом был огонь, горевший в очаге, рядом с которым он лежал. Холодом все остальное.

Первым делом Венд подвинулся ближе к огню и протянул к нему руки. Разница температур ощущалась, но не так сильно, как должна была. Стало быть, яд метели вышел не до конца.

— Очнулся! — раздался за спиной детский голос. Венд вскочил, развернулся — и едва не упал. От резкого движения потемнело в глазах, а ноги разом налились тяжестью.

— Кто ты? — спросил Венд, яростно моргая, пытаясь избавиться от темноты. — Откуда ты здесь взялся?

Зрение вернулось, и воин торопливо поправился:

— ...взялась?

— Это мое место. — Девочка лет десяти, по одежде и внешнему виду типичная кочевница, сделала широкий жест рукой, показывая на то, что их окружало, и добавила: — Я не буду спрашивать, откуда ты тут взялся, я и так знаю. Ресан рассказал.

— А где он сам? — Венд огляделся. В прошлый раз, побитому ядовитой метелью, ему было не до того. Сейчас стало интересно.

Помещение, в котором они находились, оказалось огромным. Его стены, пол, потолок были сделаны из каменных блоков, подогнанных друг к другу с идеальной точностью. Ни один камень не выпал из предназначенного для него места. А ведь Венд слышал, что крепости в Степи были построены еще до Великих Сумерек. Пять тысячелетий назад? Шесть? Но назвать это руинами не поворачивался язык.

— Ресан сказал, что должен кое-что посмотреть, — ответила девочка.

Венд нахмурился, пытаясь представить, что именно Ресану могло понадобиться в старой крепости, и потом с опозданием осознал то, что должен был понять сразу.

— Ты говоришь на языке империи! Откуда ты его знаешь? И вообще, кто ты?

— Какая разница? Просто знаю. — Маленькая кочевница пожала плечами. — Можешь называть меня Туай.

Туай? На языке тууров это означает «Найденка». Странное имя для ребенка.

— Очнулся! Живой! — Распахнулась дверь, и Ресан торопливым шагом вошел в зал. — Как я рад!

И, подбежав к Венду, порывисто обнял его. Воин неловко ответил на объятие.

— Ведешь себя так, словно я вернулся с того света.

— Ну, как бы да. — Ресан виновато улыбнулся и отпустил его. — Яд зимних метелей убивает чужаков. Но я очень надеялся, что ты выживешь!

— Хм, тогда ты об этом промолчал.

Юноша пожал плечами.

— К чему тебе было это знать?

Действительно...

— Кто тебя вывел? — спросила девочка.

— Что?

— Кто? — повторила она. — Ты чужак. Кто из духов согласился быть твоим проводником?

— Из духов? Не было никаких духов. — Венд покачал головой.

— Тогда кто? — спросил Ресан. — Кто тебе помог?

Нужно было ответить. Венд честно попытался напрячь воображение и что-то придумать, но никаких идей не возникло. Промолчать? Притвориться, что он ничего не помнит?

Ресан смотрел вопросительно, и отчего-то врату ему всегда было гораздо тяжелее, чем кому бы то ни было иному.

— Тибор, — нехотя сказал Венд правду. — Со мной был Тибор.

— Что?! — На лице юноши отразился ужас. — Нет! Это невозможно! Тибор не может быть мертв! Не может!

— Почему мертв?

— Только духи, души умерших, бывают проводниками.

— Но... — Венд растерянно потер лоб рукой. В его видениях Арон вовсе не выглядел и не вел себя как мертвец. В смысле, как дух мертвеца. — Почему только души мертвых? Это какой-то закон? Правило, которое нельзя нарушать?

Ресан и Туай переглянулись.

— Так всегда было, — сказала девочка. — Все это знают. Живой человек не может быть проводником в мире духов. И что это за имя — Тибор? Похоже на имя имперца.

— Да, — растерянно согласился Ресан. — Да, он имперец. Туай права, он бы не смог... Венд, ты что-то перепутал. Только кочевник может стать проводником в мире духов. Ни одному имперцу это не под силу.

Воин лишь развел руками.

— Я уверен, что Тибор жив. И я уверен, что это был он.

ГЛАВА 7

Восход солнца прятался в алоей дымке, а вокруг отряда длинными белесыми хвостами плыл туман.

— Ты точно не чувствуешь опасности? — Кирк смотрел на туман с подозрением, и было похоже, что все в отряде разделяют его чувства.

— Точно не чувствую.

Арона туман нисколько не беспокоил, в отличие от вчерашних впечатлений. Сон, который длился сутки. Встреча в этом сне с Вендром. И видения, последовавшие за этой встречей, видения, похожие на галлюцинации опьяненного сознания и на мир Многоликого. Видения, которые несли — Арон был в этом уверен — вполне реальную опасность. Если бы он еще мог понять, что все это значило. Но спросить было не у кого.

Они ехали сквозь туман, который все густел и густел. Еще немного, и дорогу под копытами коней будет не разглядеть.

Арон вздохнул. Поднял правую руку и сделал несколько круговых движений. Разогнать туман следовало давно, но нежелание попусту тратить резерв не давало это сделать.

Над головой начала закручиваться воздушная воронка, затягивая пласти тумана и превращая его в воду. Арон махнул рукой, и воронка полетела вперед, продолжая освобождать от тумана дорогу.

— Давно бы так, — проворчал Бракас, ехавший неподалеку, и пришпорил коня.

— Вот неблагодарный! — Кирк покачал головой.

— Пусть его... — Арон проводил взглядом фигуру наемника. Бракас не первый раз так делал — обгонял отряд, а потом с мрачным видом ждал их приближения на ближайшем холме. Ждал и ворчал, что ему приходится путешествовать с черепахами. —

Пусть. Он никак не может простить, что Тибор оказался Тонгилом, вот и раздражается из-за ерунды.

— Кое в чем Бракас все же прав, — задумчиво сказал Кирк. — Ты слишком добрый для Тонгила. Слишком снисходительный.

Арон кивнул.

— Это так. Дело в том, что я, Арон Тонгил, действительно добрейшей души человек. Милостивый, отзывчивый, справедливый... Мм... Что я еще забыл?

— Правдивый, — подсказал Кирк.

— Правдивый, — согласился Арон. — Я просто идеален. Ума не приложу, отчего половина империи меня ненавидит.

Кирк хохотнул, потом посеръезнел.

— Примеряешь очередную маску? Я не имею в виду внешность.

Арон приподнял брови.

— Не веришь, что зловещие слухи, ходящие обо мне, это клевета и происки врагов?

— Ну, — протянул Кирк, — я, конечно, могу поверить и в происки врагов, и в то, что на самом деле твоя душа белее свежего снега. Надо?

— Пока нет, — Арон дернул уголком губ, — но если потребуется, я скажу.

Шутливый разговор с Кирком натолкнул на мысль, и смутная идея, прежде мелькавшая на краю сознания, начала оформляться. Идея о том, чтобы действительно примерить иную маску. Полностью изменить тот образ и ту репутацию, которые были в империи у его двойника. Интересно, задумывался ли когда-нибудь о подобной смене Прежний? Было ли это вообще возможно?

Арон напрягся, почти увереный, что сейчас услышит в голове такой знакомый голос. Но нет. Там по-прежнему было тихо. Прежний не давал знать о себе уже больше недели.

— Тибор! Там... там... — Бракас возвращался, он гнал коня галопом, и лицо его было даже не белым, а серым.

«Там», как оказалось, находилось за ближайшим холмом, в небольшой долине, свободной от тумана.

«Там» было кровавым месивом. Оторванные руки и ноги, головы без тел и тела без голов. С первого взгляда Арон оценил количество убитых в несколько тысяч. Мертвцы не были воинами — ни оружия, ни кольчуг. И хотя большинство тел принадлежало мужчинам, кое-где он видел и женские останки.

— Сейчас... — пробормотал Бракас. — Сейчас оно... Подожди...

Вздох, такой громкий, словно вздохнул целый холм. Месиво тел шевельнулось, приподнялось, в разные стороны покатились головы. Месиво замерло. А потом невидимые челюсти начали перемалывать мертвцев. Захрустели кости на невидимых зубах. Потекла кровь, обрисовывая невидимую морду людоеда, и та напомнила медвежью, только увеличенную раз в десять.

— Ты сказал, опасности нет! — В голосе Пратаса слышалось обвинение. Первая его фраза в адрес АRONA за много дней.

Арон не ответил, продолжая рассматривать происходившее внизу. От вершины холма, на котором они стояли, до места побоища было около ста футов по наклонной.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая	5
Часть вторая	146